

Письма Ал. Толстого къ Н. А. Чаеву.

Красный Рогъ. 5 Ноября 1878.

Любезнѣйшій и глубокоуважаемый Николай Александровичъ, письмо Ваше, посланное въ Карловары (Карлсбадъ), послѣ долгаго странствованія, дошло до меня. Ваше второе письмо отъ 16 Октября я также только что получилъ и потому отвѣчаю на нихъ купно:

1-е. Сдѣлайте одолженіе, пришлите Ваши «Подспудныя Силы» *сюиты*. Мы ихъ читали въ *P. V.*, но съ удовольствіемъ будемъ еще читать въ отдѣльномъ изданіи. Скажите мнѣ, какъ называется Вашъ новый романъ времени Екатерины? Я былъ въ Карлсбадѣ, потомъ прожилъ одинъ мѣсяцъ въ Дрезденѣ, гдѣ началъ писать Новгородскую драму: *Посадникъ*. и набросилъ уже три акта, но только набросилъ, а еще не обработалъ.

2-е. Нахожу Ваше драматическое дѣло очень справедливымъ и съ удовольствіемъ примыкаю къ Вамъ. Съ будущею почтой Вы получите мой взносъ (15 р.) и съ нимъ по одному нѣмецкому экземпляру «*Tod Iwan's*» и «*Zar Fedor*». Это для того, чтобы Вы видѣли, что авторъ брошюръ сдѣлалъ маленькую ошибку (въпрочемъ ничего не измѣняющую въ дѣлѣ) касательно такъ называемыхъ *Bühnen manuscripte*.

Я имѣлъ случай узнать обычай, о которомъ онъ говоритъ, въ Германіи. Драмъ печатаются не въ маломъ, а въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ, и пріобрѣтатель не получаетъ никакого права на постановку безъ согласенія съ авторомъ. Но дабы авторъ не лишился черезъ публикацію своихъ правъ, онъ ставитъ на заглавномъ листѣ: *Den Bühnen gegenüber als Manuscript gedruckt*, т. е. «Въ отношеніи къ театрамъ считать за рукопись» потому, что на рукописи театры не имѣютъ права безъ воли автора. У меня нѣкоторые провинціальныя театры спрашивали позволенія давать *Смерть Іоанна*, другіе не спрашивали. Первымъ я всегда позволялъ, но предвидя, что придетъ время, когда лягутся на этотъ счетъ положительныя правила, я ограничивалъ позволеніе на три года. Не помню однако, всѣмъ-ли театрамъ я ставилъ это ограниченіе и нѣтъ-ли такихъ, которымъ я далъ позволеніе

безусловно? Впрочемъ объ этомъ нечего заботиться потому, что *Смерть Иоанна* запрещена циркуляромъ. Это одна изъ административныхъ странностей, ибо та же администрація разрѣшаетъ *Василису Мелентьеву*, которая теперь дается въ Одессѣ, гдѣ *Смерть Иоанна* была остановлена на телеграфу къ немалому скандалу, когда ее уже нѣсколько разъ дали и ложн къ слѣдующему представленію были разобраны.

З-е. Мы дѣйствительно должны были провести зиму въ Венеціи, но я не увѣренъ, что дѣла позволятъ намъ это сдѣлать. Тогда, если послѣдую влеченію сердца, то приѣду дней на 10 въ Москву, которую столько-же люблю, какъ городъ, сколько ненавижу ея историческое значеніе до той эпохи, которая дала Вамъ поводъ къ трофею. Мною овладѣваетъ злость и ярость, когда я сравниваю городскую и княжескую Россію съ Московской, новгородскіе и кіевскіе нравы съ московскими; и я не понимаю, какъ можетъ Аксаковъ смотрѣть на испорченную отатарившуюся Москву, какъ на представителя древней Руси? Не въ Москвѣ надо искать Россію, а въ Новгородѣ и въ Кіевѣ. Даже Андрея Боголюбскаго я терпѣть не могу, потому что онъ предшественникъ Иоанна III. А все-таки я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ-бы на его дворецъ въ Боголюбовѣ, котораго рисунокъ видѣлъ у Погодина и который, вѣроятно, съ каждымъ годомъ разрушается. Я выстроилъ-бы надъ нимъ стеклянный колпакъ. Это, кажется, единственный памятникъ у насъ гражданской архитектуры XII столѣтія. Прошу Васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Вашей супругѣ, моя жена Вамъ очень кланяется, я крѣпко жму Вашу руку, адресъ мой: *Черниговской губерніи въ Почепѣ*. Весь Вашъ

Ал. Толстой.

Пустынька, Февр. 14-го. 1867.

Любезный и многоуважаемый Николай Александровичъ, спасибо Вамъ за письмо Ваше отъ 10-го числа и за общаемаго *кн. Тверскаго*, котораго буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Краевскій съ своими «явленіями, выходящими изъ ряда», порядочно таки смѣшонъ. Критики Ваши и благовольтельные совѣтчики для меня явленіе не новое, но очень знакомое по личному опыту. Кажется, одного изъ Вашихъ совѣтчиковъ я знаю: не Соллогубъ-ли это? Онъ дѣйствительно хорошій критикъ, хотя и увлекается желаніемъ передѣлать по своему то, что сдѣлали другіе. И моего *Грознаго* онъ хотѣлъ бы передѣлать, и *Федора Иоанныча*, котораго не читалъ еще, также хотѣлъ бы передѣлать. Но я слушаю его съ удовольствіемъ, потому что въ немъ есть большое пониманіе, хотя творчества нѣтъ. И онъ предлагалъ мнѣ писать вдвоемъ, чего я рѣшительно не могу. Его конекъ это «архитектура» драмы, которую я признаю вполне, но о которой онъ говоритъ, какъ будто бы онъ ее изобрѣлъ (sic). А фельетонисты хотѣли бы насъ съ Вами поспорить: меня колютъ вами, а васъ мною. Ну ихъ!

5*

Съ благодарностью принимаю Ваше доброе намѣреніе предложить меня въ члены Общества Любителей при Моск. университетѣ и готовъ. если ничто не помѣшаетъ, пріѣхать постомъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы прочесть кое-что изъ *Федора*. Мнѣ очень будетъ лестно, если Общество меня приметъ.

Писать ко мнѣ можно такъ: *По Никол. Жел. дорога на станцію Саблицы*.

Но можетъ случиться, что я буду въ Питерѣ, и тогда пройдетъ нѣсколько дней прежде, чѣмъ получу Ваше письмо. Васильевъ добровольно отказался отъ роли Іоанна Самойлова я видѣлъ только одинъ разъ въ этой роли въ бенефисѣ Владиміровой. Наружность его была прекрасна, но изъ роли онъ не зналъ ни аза, говорилъ все только приблизительно, не стихами, а прозой собственнаго изобрѣтенія, и множество мѣстъ, очень важныхъ, пропустилъ совсѣмъ, этого-де не надо! Говорятъ, теперь Самойловъ и Васильевъ будутъ чередоваться. Мнѣ отчасти эта пьеса опротивѣла, такъ она играется вяло, исключая народной сцены, которая идетъ *отлично*— хотѣлось бы очень, чтобъ ее поставили въ Москвѣ.

Прощайте, добрый и любезный Николай Александровичъ, всѣ мои вамъ дружески кланяются. Если поѣдете въ Питеръ, извѣстите насъ заблаговременно на имя Соловьевича, оно вѣрнѣе, а мы, если будемъ въ Пустынкѣ, совершимъ на Васъ въ Саблинѣ нападеніе и увлечемъ къ себѣ. Я печатаю всѣ мои стихотворенія, и какъ скоро они выйдутъ, поспѣшу прислать Вамъ.

Искренно Вашъ Ал. Толстой.
